

СОРАЗМЕРНОСТЬ ГОРОДА И ЧЕЛОВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Г. В. Горнова

Омский государственный педагогический университет, Россия
gornovagv@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ,
проект 18-411-550008 p_a: «Городская идентичность: антиномичность
миграционных установок горожан (на материале города Омска)»

Статья посвящена исследованию городской идентичности. Резкая трансформация социально-политических реалий современного мира актуализирует проблему идентичности. Ощущение неустойчивости существования порождает необходимость уточнения мировоззренческих координат. В попытке преодолеть неустойчивость человек обращается к разным формам «твёрдой» идентичности. Одной из таких форм выступает территориальная идентичность, которая в условиях нестабильности в буквальном смысле даёт возможность укорениться в бытии. Однако территориальная идентичность является абстракцией, так как не имеет чётких физических и метафизических границ. Сущностная неопределённость территориальной идентичности не даёт возможности удовлетворить потребность в безопасности посредством идентификационных процессов. Восхождение от абстрактному к конкретному совершается на уровне локальной идентичности. Городская идентичность является локальной формой территориальной идентичности, фиксирует устойчивое представление человека о себе как жителе определённого города, рождает непосредственное переживание связи с городом, сопричастности его жителям. Городская идентичность представляет собой конструируемый социокультурный феномен, основными формами её репрезентации выступают городской нарратив, культурная память и коммеморативные практики. Представляется, что городская идентичность складывается на основе соразмерности города и человека: взаимном соответствии субъектов взаимодействия – человека и города. Материальные и, частично, социальные аспекты соразмерности от-refлексированы в профессиональной деятельности архитекторов и градостроителей, духовные аспекты соразмерности города и человека являются предметом философского анализа. В статье предлагается методология исследования соразмерности города и человека, основанная на анализе объективированных форм городской культуры – городских идеалов, мифов и метафор. Городской идеал конкретизируется и обосновывается в мифе. Идеал и миф отображают феномен города в его целостности, в единстве сущности и явления. Стремление к лаконичному выражению сущности города находит своё выражение в урбанистической метафоре. Проблематика

формирования соразмерности города и человека продемонстрирована на анализе объективированных форм городской культуры Омска. Выделены ведущие городские идеалы Омска (имперский идеал и идеал индустриального города), основные мифы (город-крепость, Белая столица, эсхатологические мифологические мотивы), урбанистические метафоры (вариации метафоры «город-сад»). Проанализированы актуальные миграционные установки горожан, дискурсивно выраженные в интернет-пространстве в виде интернет-мема «Не пытайтесь покинуть Омск» и искусственно сконструированного хештега «#Я_остаюсь». Ограниченность коммуникативного потенциала искусственной конструкции объяснена её несовпадениями с личными нарративами горожан и неукоренённостью в городской культуре Омска. Делается вывод об антиномичности городского дискурса Омска и преобладании негативной городской идентичности.

Ключевые слова: город, соразмерность города и человека, городская идентичность, городские идеалы, мифы и метафоры, миграционные установки.

HARMONY BETWEEN THE CITY AND THE MAN: PROBLEMS OF FORMING CITY IDENTITY

Galina Gornova

Omsk State Pedagogical University, Russia
gornovagv@yandex.ru

The article considers harmony between the city and the man, city identity and human scale of the city. It is noted that imperativeness of the thesis about the person as a measure of all things is presented in harmony between the city and the man. The influence of collective memory and practices of commemoration on collective identity, including city identity, is shown. The article suggests a methodology for exploring the city. City ideals, myths and metaphors make it possible to comprehend the spiritual culture of the city, social practices and options for their citizens living strategies. It seems that the city identity is formed on the basis of the harmony between the city and the man: the mutual correspondence of the subjects of interaction – man and city. The material and, in part, social aspects of harmony are reflected in the professional activities of architects and urban planners, the spiritual aspects of the harmony of the city and man are the subject of philosophical analysis. The article proposes a methodology for investigating the proportionality of a city and a person, based on an analysis of objectified forms of city culture – urban ideals, myths and metaphors. Objectivized forms of city culture are found in the texts, activities and behavior of people. The city ideal is concretized and justified in the myth. The ideal and myth reflect the phenomenon of the city in its integrity, in the

unity of essence and phenomenon. The aspiration to the laconic expression of the essence of the city finds its expression in the city metaphor. The problems of formation of the harmony of the city and man are demonstrated on the analysis of objectified forms of city culture of Omsk. The leading city ideals of Omsk (the imperial ideal and the ideal of an industrial city), the basic myths (city-fortress, White capital, eschatological mythological motives), city metaphors (variations of metaphor 'city-garden') are singled out. The current migration patterns of citizens, discursively expressed in the Internet space in the form of the Internet meme 'Do not try to leave Omsk' and the artificially constructed hashtag '# I stay' are analyzed. The limited nature of the communicative potential of the artificial structure is explained by its inconsistencies with the personal narratives of the citizens and the lack of commitment in the city culture of Omsk. The example of the city of Omsk demonstrates the specificity of the identification processes of citizens: social ambivalence and conflictual city discourse. It is concluded that negative city identity predominates.

Keywords: city, harmony between the city and the man, city identity, urban ideals, myths and metaphors, migration patterns.

DOI 10.23951/2312-7899-2018-3-43-56

Система культурных координат современного общества находится в неустойчивом, неравновесном состоянии, что обусловлено, в первую очередь, резкой трансформацией социально-политических реалий. Современный человек, надо полагать, уже осознал, что он живёт в динамичном проницаемом мире «текучей современности» со слабыми связями между субъектами (поверхностными и кратковременными), с вытекающей из этих обстоятельств колоссальной свободой, что проявляется прежде всего в том, что его интересы уже не связаны прочно с конкретным обществом и конкретной территорией [Бауман 2008, 44, 161]. Столкновение между «текучими» и «твёрдыми» обществами в мире, обретение свойств «текучести» и большей закрытости / «твёрдости» обществами на постсоветском пространстве приводит к изменениям социальной реальности, при этом идеологически насыщенное социальное конструирование картины мира средствами массовой коммуникации, зачастую откровенно манипулятивное, вызывает у индивида сложный комплекс чувств и эмоций, порождает потребность определить своё место в изменившемся мире.

Определить своё место в мире – это задача, которая требует обращения к системе личных духовных координат, к размышлениям

о себе и о мире. Оказывается, что для взрослого человека вопросы «Кто я?», «Кто мы?» требуют своего уточнения, если не постоянно, то хотя бы время от времени. Этот поиск актуализирует проблематику идентичности на всех уровнях – от индивидуальной идентичности до национально-государственной. Человеческая потребность соотносить себя с социальной группой, разделять с другими идеологические и ценностные установки реализуется в разных формах идентичности: индивидуальной и групповой, локальной и надлокальной, позитивной и негативной, фундаментальной и актуальной, «твёрдой» и «подвижной».

Можно предположить, что реакцией на неожиданную и / или возросшую изменчивость мира станет на какое-то время возобладание консервативных тенденций, стремление к стабильности, желание закрепиться в изменчивом мире, следовательно, востребованной станет «твёрдая» идентичность, способная быть опорой. Лучше всего эту функцию сможет выполнить территориальная идентичность, так как в буквальном смысле слова именно она может дать возможность укорениться.

Однако сама по себе групповая идентичность, имеющая территориальные и пространственные аспекты, – от региональной идентичности до национально-государственной – существует как достаточно абстрактный феномен. Абстракция высокого порядка вряд ли может удовлетворить потребность в безопасности (стабильности), так как именно понятный мир рождает ощущение безопасности. В ситуации нестабильности проще происходит идентификация с чем-то конкретным, внятным, чётко отграниченным: представляется, что в данном случае восхождение от абстрактного к конкретному совершается на уровне локальной идентичности, одной из форм которой выступает городская идентичность.

Город – явление конкретное, имеющее территориальные границы, ясно представимое, доступное чувственному восприятию (зрительному, слуховому, кинестетическому, осязательному, обонятельному); восприятие города знаково-символически опосредуется в текстах и изображениях, не утрачивая при этом своей конкретности.

Человек тотально включен в пространство города. Город – это мир человека. Перефразируя классический тезис, можно сказать, что «жить в городе и быть свободным от города нельзя». Эта тотальность имеет телесные, психологические, социальные, экзистенциальные аспекты. Она способствует возникновению соразмерности города и человека.

Соразмерность города и человека – это соответствие человека городу и города человеку, такой тип отношений, который содержит в себе оптимум для реализации сущности человека. Соразмерность города и человека выступает интегрирующим фактором объединения города и горожанина в определённую целостность. Соразмерность адекватно постигается в рамках коммуникативной парадигмы – на уровне экзистенциальной коммуникации при синергичном общении субъектов с разным онтологическим статусом [Аванесов 2014, 132]. Субъектами такой коммуникации будут являться человек и город, сама возможность такой коммуникации обеспечивается наличием представления о городе как о смысловом мире, с которым можно вступить в коммуникацию [Щербинин, Щербинина 2012, 57], но этот мир будет не искусственно сконструированным, а укоренённым в духовном мире человека.

На основе соразмерности города и человека складывается городская идентичность человека. Городская идентичность – это устойчивое представление человека о себе как жителе определённого города, непосредственное переживание своей связи с городом, чувство сопричастности городу и его жителям, приобщённость к городскому бытию. Городская идентичность является конструируемым социокультурным феноменом, складывается в пространстве повседневности, основными формами её репрезентации выступают городская нарратив, культурная память, коммеморативные практики.

Можно предположить, что в логике социального конструктивизма наиболее органичные практики конструирования городской идентичности основываются на концепте «родина», так как, во-первых, сам концепт «родина» является устойчивой интерпретационной схемой восприятия мира [Щербинин 2009], а во-вторых, можно отметить «одноприродность» концептов «город» и «родина», на что, к примеру, указывает Ш. Зукин, отмечая, что «именно город является сложно устроенной родиной» [Зукин 2015, 400].

В соразмерности города и человека имплицитно представлена императивность тезиса Протагора о человеке как мере всех вещей. Можно выделить материальные, социальные и духовные аспекты соразмерности города и человека. Материальные и социальные аспекты представлены и частично отрефлексированы в деятельности архитекторов и градостроителей, которые выводят прямую зависимость между качеством городской среды и формированием городской идентичности человека. Форма города – безжалостный индикатор состояния цивилизации, форма города определяется решениями людей, в нём живущих [Васон 1976, 13]. Чем большее

внимание в городской планировке уделяется человеческому масштабу, тем выше качество городской жизни. Город, в котором улицы, площади, парки соразмерны человеку, вызывает стойкую привязанность жителей. Плохо спроектированные города ожесточают людей.

Становление городской идентичности предполагает интенсивное взаимодействие с городом. Ритм шагов идущего горожанина – неизменная мера пространства. Не только житель города, но и тот, кто по роду деятельности может напрямую повлиять на облик города – профессионал: архитектор, градостроитель, проектировщик или дизайнер, – только через хождение как самое прямое взаимодействие с городом способен воспринять и постичь палитру городских пространств [Васон 1976, 15].

А. Н. Береговских, прекрасно осознавая профессиональную ответственность, выдвигает программный тезис: «Градостроитель – это архитектор пространства» [Береговских 2018, 281]. Однако, даже с ясно осознанной ответственностью и профессиональной честностью одними градостроительными средствами не справиться с задачей качественного улучшения городской среды, поскольку архитектура – это трёхмерная проекция нашего общества. Чем насыщеннее общество, тем богаче архитектура [Таранова, Прикс 2006, 118–119]. Вполне очевидно, что верна будет и обратная зависимость: чем примитивнее общество, чем более неразвитыми являются его гражданские институты, тем однообразнее архитектура.

К сожалению, в настоящее время слабость городских сообществ и несамостоятельность муниципальной власти приводит к тому, что экономические интересы отдельных социальных групп (прежде всего в сфере девелопмента, нацеленного на максимальное извлечение прибыли: переуплотнённая высотная застройка, предельная скученность населения в отдельных городских районах, точечная застройка, разрушение исторической среды, строительство «голых» квадратных метров в ущерб общественным пространствам и т. д.) негативно сказываются на качестве жизнепригодности городской среды, разрушают «человеческую мерность» города, что, в свою очередь, запускает процессы негативной идентификации, обостряет конфликтность городского дискурса.

Городская идентичность является одним из основных регуляторов миграционного поведения, так как влияет на выбор города, с которым человек связывает свою жизнь, и, в целом, на степень удовлетворённости своей жизнью и на экзистенциальное ощущение осмысленности жизни.

Исследовать духовные аспекты соразмерности города и человека можно, обратившись к объективированным формам городской культуры, которые фиксируют спектр возможных образцов, моделей воспроизводства человека городского, исторически сложившиеся поведенческие практики, присваивая и реализуя которые, человек выстраивает свой тип отношений с городом. Объективированные формы городской культуры содержатся в текстах, деятельности и поведении людей. Это прежде всего городской идеал, сущностной чертой которого, как и любого идеала, является всеобщее распространение. Городской идеал конкретизируется и обосновывается в мифе. Идеал и миф отображают феномен города в его целостности, в единстве сущности и явления. В то же время даже на уровне массового сознания имеется стремление к постижению и лаконичному выражению сущности города. Оно находит своё выражение в урбанистической метафоре.

На материале городской культуры Омска можно продемонстрировать проблематику формирования городской идентичности и конфликтность городского дискурса.

Городской идеал Омска артикулирован нечётко, он не самостоятелен, а является производным двух идеалов – имперского идеала и идеала индустриального города.

Основной оппозицией имперского идеала является антиномия центра и периферии. На долю Омска приходится вначале пассивная позиция окраины империи, сложившаяся в период внутренней колонизации во времена Российской империи, а затем – уже в Советском Союзе – удалённой периферии. В этом семантическом ряду сильным аттрактором выступает идея Сибири, в сферу притяжения которой попадает Омск. Идея Сибири воплощает региональный патриотизм и вступает в противоречие с имперским идеалом. В противовес колониальной политике центра формируется образ сильной территории, которая способна к обретению независимости («Сибирь – территория свободы»). Но при этом идея Сибири оказывается настолько ёмкой, что включает в себя, поглощает все городские идеалы сибирских городов, стирает различия между ними. Это приводит к тому, что сибирская региональная идентичность оказывается намного сильнее локальной городской идентичности.

Однако, вполне в духе классической диалектики, идея Сибири имеет две стороны: вмещает в себя представление о Сибири как о территории свободы (идея фронта) и представление о Сибири как месте ссылки, каторги. Это взаимопроникающие представления,

что фиксируется в достаточно широко используемом устойчивом выражении «дальше Сибири не сошлѣшь», в соответствии с которым живущий в Сибири уже априори свободен, его мало чем можно напугать.

Идеал индустриального города в Омске имеет некоторое своеобразие в своём функционировании. В городской культуре промышленный город представлен двумя формами индустриального идеала: позитивной и негативной. Традиционно негативная форма идеала преобладает, так как взрывной рост производства неблагоприятно сказывается на условиях жизни людей, прежде всего – на экологии, на качестве городской среды. Позитивная форма идеала основывается на том, что развитие науки и техники приводит к повышению уровня и комфорта жизни в целом. В обеих версиях идеала важным различающим критерием позитивной и негативной оценки выступает именно качество городской среды. В Омске же закрепился позитивный идеал индустриального города, поскольку именно в шестидесятые годы прошлого века достаточно сильная городская власть смогла разного рода мерами принудить сферу производства к облагораживанию городской среды. Исследование городских нарративов показывает, что именно тогда фиксировался один из самых сильных всплесков любви к городу и гордости за него.

Городская мифология Омска представлена урбогоническими мифами (мифами об основании города), этиологическими (мифами о свойствах тех или иных городских объектов, явлений) и эсхатологическими (мифами, в которых содержатся мотивы грядущей гибели города).

Основной урбогонический миф Омска – это миф о городе-крепости. Содержание мифа противоречиво, в нём причудливо сочетаются позитивные и негативные смысловые оттенки. Позитивное значение мифа об Омске как о городе-крепости – населённом пункте, приспособленном к упорной обороне, – расширяется целым спектром не очень лестных для города дополнительных значений: от случайности возникновения города именно в этом месте (по одной из версий, экспедиция Бухольца, по указу Петра Первого искавшая золото и новые торговые пути, потерпела неудачу, и вынужденно была основана первая Омская крепость, причём тоже не в самом удачном месте, спустя время крепость была перенесена на противоположный берег Оми) до функциональной несостоятельности – Омск был крепостью, на которую никто не нападал за все годы её существования. С течением времени крепость преобразова-

лась в острог, город стал восприниматься как место отбывания наказания.

Двойственность урбогонического мифа – с одной стороны, патриотическая гордость за предков, раздвигавших границы страны, осваивавших новую территорию, мужественно терпевших невзгоды, честно выполнявших долг и сохранявших верность отечеству, с другой стороны, тема каторги и ссылки – напрямую влияет на амбивалентность процесса идентификации и усложняет его.

Основной этиологический миф Омска – миф о Белой столице – отличается от урбогонического мифа наличием исторических оснований и тем, что в нём отражена уникальность города. Омск – единственный город, ставший столицей Белого движения, а возникновение города на месте крепости – это одна из самых распространённых практик основания города, так были основаны многие города. К тому же образ Белой столицы эмпирически достоверен: Омск – белый город, полгода он засыпан снегом, летом на небе яркие белые облака, осенью – белёдые туманы.

Эсхатологические мотивы эклектичны – это мифы об Асгарде Ирийском, столице Беловодья (отсыл к скандинавской мифологии и мифологии древних славян: Ирий – восточнославянский рай), о ведическом звучании имени города как мантры Ом, в которой соединены символы создания, поддержания и разрушения.

Урбанистические метафоры Омска – это различные вариации метафоры центра, основывающиеся на столичном мифе, и метафора сада. Предельностью для Омска обладает метафора сада, она также двойственна, в ней заключено призывное содержание «город будущего» и ностальгическое – «заброшенный сад», «утраченный рай». Метафора города-сада имеет мощные архетипические основания – представления о рае в христианстве как о саде (Эдем в Ветхом Завете) и городе (Небесный Иерусалим в Новом Завете) – и также возвращает нас к позитивному идеалу индустриального города, когда город зримо преобразился в результате успешно проводимой политики благоустройства.

В этих объективированных формах городской культуры Омска сконденсированы устойчивые модели жизнепроживания, частично воспроизводя которые в своих поведенческих практиках, горожанин выстраивает свой тип отношений с городом. Объективированные формы городской культуры тем или иным образом отражаются в личных нарративах горожан, влияют на возможность обретения соразмерности с городом, на становление городской идентичности, на формирование миграционных установок.

Можно выделить предельное противоречие между актуальными миграционными установками, существующими в городском дискурсе и воспроизводимыми им: это решение оставаться жить в своём городе или решение покинуть его и отправиться на завоевание другого города. В крупных провинциальных городах в последние годы резко возросла потенциальная готовность выбирать для жизни другой город. Причём этот выбор делает прежде всего активная часть городского населения, обладающая высоким образовательным статусом. Эта тенденция ярко проявляется в Омске: молодёжь покидает Омск. Молодёжь – будущее общества; город, лишённый будущего, обрекается на депрессивное развитие. Главными центрами притяжения становятся Москва и Санкт-Петербург. Такая центростремительная тенденция характерна практически для всех крупных российских провинциальных городов.

Актуальные миграционные установки, функционирующие в социокультурном пространстве Омска, образно выражены в интернет-мемах и хештегах.

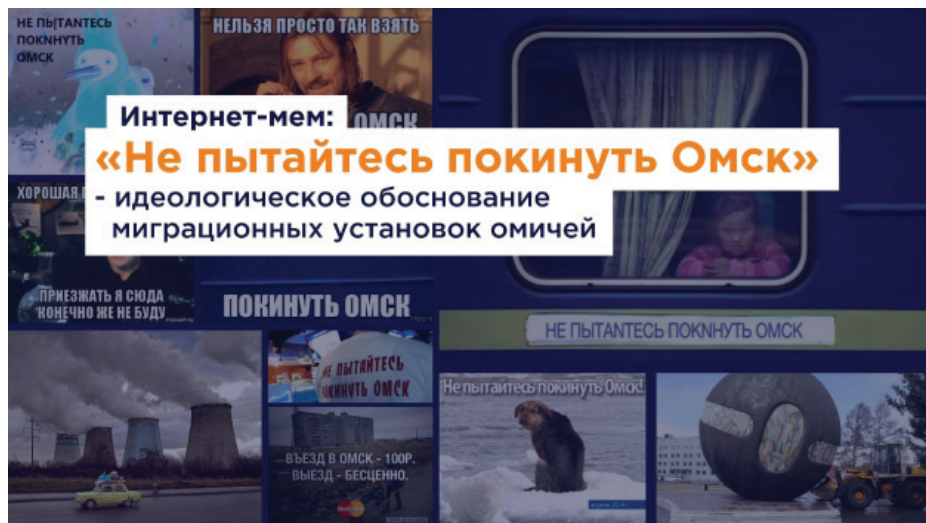
Самым ярким интернет-мемом Омска в последние годы стала фраза «Не пытайтесь покинуть Омск». Мощный экспрессивный заряд этого выражения обеспечил его тиражируемость, спонтанное и неконтролируемое распространение. Так распространяться может только информация, обладающая сильным эмоциональным воздействием, способная задеть за живое. Можно предположить, что суггестивность этого интернет-мема объясняется его прямой связью с городским идеалом и урбогоническим мифом Омска, в частности, с восприятием города как места отбывания наказания (тема ссылки, каторги, неволи). Смысловая полифония этого мема содержательно дополняется другим выражением, не получившим такого широкого распространения, но весьма креативным: «Омичи после смерти опять попадают в Омск». Тема предопределённости судьбы обретает здесь ещё более метафизическое звучание, проясняет эсхатологические мотивы основного мема (илл. 1).

Региональными властями была предпринята попытка найти антитезис этому мему и поддержать противоположную миграционную установку – осознанное решение жить и работать в своём городе. Обеспокоенность региональных властей тем, что интеллектуально-ресурсная часть населения связывает пути и формы развития и реализации собственного потенциала, по большей части, с агломерациями двух федеральных городов и не принимает в расчёт возможность личностной и профессиональной реализации в своём

городе, вполне понятна, и, наверное, саму попытку решения проблемы надо приветствовать.

Министерством культуры Омской области был разработан хештег «#Я_остаюсь». Попытка ввести и распространить этот хештег поддерживалась рядом мероприятий, самым заметным из которых стал выпуск сувенирного календаря на 2018 год, в котором известные во всём мире путешественники заявляют о том, что они решили остаться в Омске, и пытаются обосновать своё решение разного рода аргументами [Валитов 2018]. Например, Жак-Ив Кусто решает, что омские реки – более интересный объект исследования, чем океаны. Адмиралу Крузенштерну нравится озеро в Омской области, и он принимает такое же решение. Юрий Гагарин заявляет, что Омская область – просто космос, и поэтому он остаётся.

Полиграфическое воплощение идеи получилось достаточно неплохим. Актёры Омского ТЮЗа перевоплотились в известных первооткрывателей, фоном для портретов стали живописные места Омской области (илл. 2). Однако идея ещё до её воплощения оказалась нежизнеспособной. Неудачность проекта объясняется тем, что тяжело распространить то, что пытаются навязать сверху, несовпадением с нарративными практиками целевой аудитории, отсюда фальшь и неискренность; и самая главная причина неудачи – это неукоренённость идеи в смысловом контексте городской культуры Омска.

Илл. 1. Визуальный ряд мема «Не пытайтесь покинуть Омск» (из открытых интернет-источников)

Илл. 2. Проект «#Я_остаюсь», разработанный министерством культуры Омской области

Илл. 3. Альтернативный календарь «#надоЕхать». Автор: Е. Александров

Такое нарочитое несовпадение с реальностью вызвало оживлённую общественную дискуссию и создание Е. Александровым альтернативного календаря с хештегом «#надоЕхать» [Омскинформ 2018]. Автор альтернативного календаря собрал известных исторических личностей, которые на самом деле жили в Омске и в большинстве своём оказались здесь вовсе не по своей воле. Слова, которые они произносят, звучат достаточно органично, имя города даже не упоминается, но понятно, что все эти люди говорят об Омске. Достоевский произносит: «Хорошо сидим, но надо ехать», рядом с изображением Егора Летова строки из его песни «Всё идет по плану» и констатация: «Надо ехать». Репрессированный авиаинженер Сергей Королёв, год работавший в Туполевской «шарашке» в Омске, вступает в заочную дискуссию с Юрием Гагариным: «До космоса рукой подать. Надо ехать» (илл. 3).

Итак, становление городской идентичности основывается на соразмерности города и человека. Соразмерность города и человека – это сущностный аспект связи человека и города, в котором преодолевается взаимное отчуждение. На материальные аспекты формирования соразмерности оказывает влияние качество городской среды. Духовные аспекты соразмерности конституируются объективированными формами городской культуры. Развернувшаяся общественная дискуссия наглядно демонстрирует специфичность идентификационных процессов омичей, которая проявляется, во-первых, в социальной амбивалентности процессов идентификации, во-вторых, в конфликтности городских дискурсов и нарративов, в-третьих, в построении идентичности на отрицании и в преобладании чётко артикулируемой негативной городской идентичности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2014 – Аванесов С. С. Отсутствующая сущность. 16 иностранных тезисов о сути человеческого бытия // Человек. 2014. № 6. С. 127–134.
- Бауман 2008 – Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. Под ред. Ю. В. Асочакова. Санкт-Петербург, 2008.
- Береговских 2018 – Береговских А. Н. От градостроительства к градостроительству. Омск, 2018.
- Валитов 2018 – Валитов Д. Омский минкульт выпустил патриотический календарь «Я остаюсь» // Вечерний Омск, 2018. 15 января.

- [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://omskgazeta.ru/events/omskij-minkult-vypustil-patrioticheskij-kalendar-ya-ostayus> (дата обращения 30.06.2018).
- Зукин 2015 – Зукин Ш. Культуры городов / Пер. с англ. Д. Симановского. Москва, 2015.
- Омскинформ 2018 – Федор Достоевский: «Хорошо сидим, но #надо-Ехать» // Омскинформ. 2018. 19 января. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.omskinform.ru/news/115342> (дата обращения 30.06.2018).
- Таранова, Прикс 2006 – Таранова М. Ломать – не строить: Интервью с Вольфом Приксом // Б-52. 2006. № 5/90. С. 118–119.
- Щербинин 2009 – Щербинин А. И. Конструирование образа (на примере выстраивания концепта родины) // Артмаркетинг. 2009. № 4 (28). С. 19–27.
- Щербинин, Щербинина 2012 – Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. К постановке проблемы внешнего позиционирования университетского города // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 53–58.
- Васон 1976 – Васон Е. N. Design of cities. London: Penguin Books, 1976.

Материал поступил в редакцию 01.07.2018